

Умерова Э.С.

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЗМЕ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА

Художественная литература имеет свои особенности реакции на происходящее и посредством этих особенностей их поясняет. Самобытность содержания и неповторимость художественных форм - особенности, определяющие характер литературы каждого народа, где сливаются воедино моменты национального и общечеловеческого. Словесное искусство крымскотатарского народа в силу известных социально-политических причин в основном исследовано в историко-литературном и эмпирическом ключе, тогда как в процентном соотношении изучение проблем литературно-теоретического характера можно назвать скромными.

Наряду с множеством вопросов литературно-критического, теоретико-типологического, компаративистского и историко-литературного характера сегодняшнему литературоведу необходимо исследовать и проблемы психологизма в крымскотатарской литературе.

У каждого писателя имеется своеобразный набор средств изображения психологизма, который направлен на отображение глубинного состояния души героя. Тенденция распространения в современной крымскотатарской художественной литературе этой формы освоения действительности побуждает к анализу системы средств, форм и приёмов психологического изображения. Необходимо отметить, что из-за мощного воздействия русской культуры многие явления в литературе представляются схожими. Однако в процессе дальнейшего исследования мы попытались показать качество психологического изображения, присущее преимущественно этно-национальной письменно-художественной словесности.

Известно, что главным критерием для суждений о личности являются его действия. Однако практические действия человека вместе с тем всегда включают в себя внутренний - психологический - аспект. Именно художественное познание человеческого характера раскрывает нам внутренний мир личности в его живом течении и во всей его сложной социальной обусловленности. А этот аспект в литературе тесно связан с искусством психологического анализа.

Существуют разные формы психологического изображения, причём каждая из них обладает разными познавательными, изобразительными и выразительными возможностями. Чаще всего крымскотатарскими писателями-психологами используется «прямая» форма – непосредственное воссоздание процесса внутренней жизни человека в отличие от «косвенной», представляющей душевное состояние героя через внешние симптомы. Вот как объясняет эти понятия И.В. Страхов, ученый, внесший значительный вклад между литературоведением и психологией: «Основные формы психологического анализа возможно разделить на изображение характеров «изнутри», т.е. путём художественного познания внутреннего мира действующих лиц, выражаемого при посредстве внутренней речи, образов памяти и воображения; и на психологический анализ «извне», выражающийся в психологической интерпретации писателем выразительных особенностей речи, речевого поведения мимических и других средств внешнего проявления психики» [7, с.4].

Итак, прямая форма психологического изображения служит непосредственному воссозданию психических и духовных переживаний.

Попытаемся подтвердить это предположение, обратившись к повести Аблякима Ильмий «Ачлыкь хатирелери» («Воспоминание о голоде/ 1926): «Ачыкькьанда, не де ачыкькьаным! Ачкось эджель панджасы тырмалай. Сукура, козьлерим кяде кьарара, сёне ки, кяде акьыя, алыкьлаша. Ах, билесиньиз де, не яман ашайджагьым келе!... Не ашайым экен?... От ашар экенсинь, орталыкь там-такьыр. Тобан-пичен, чалычырпы чай-ран экенсинь, авуз кьарышты, такьат етмей» [10, с. 148].

(«Есть, как хочется есть! Как мучает этот голод, от него глаза то темнеют, меркнут, то лихорадочно загораются каким-то безумием. Ах, если бы вы знали, как сильно хочется есть! .... Чего бы съесть?..Травы бы, по-есть, да вокруг ни травинки. Пожевала бы солому или сено, но немогу: челюсти сводит от усталости, сил не хватает...») [15, с.231].

Этот отрывок позволяет проникнуться физическим состоянием героини данного произведения. Надо отметить, что в качестве специальных выразительных средств А. Ильмий нередко прибегает к форме внутреннего монолога. В разрезе исследуемой проблемы для приведённого примера характерны такие слова, как «сукура, козьлерим кяде кьарара, сёне ки, кяде акьыя, алыкьлаша». Как видим, писатель умеет апеллировать к словам, придающим эмоциональный оттенок мыслям героини, идущим из глубины души.

Подобные примеры можно наблюдать в произведениях нашего современника Таира Халилова. Повесть «Эски кемане» («Старая скрипка», 1984) несет в себе некий психологический настрой – чувство безысходности, своеобразного взгляда на мир сегодняшний, отнюдь не схожий с былыми временами, где старая скрипка тщетно пытается зазвучать как и прежде. А за образом этой скрипки стоит человеческая душа: «Айтмаймы, ёкьса айтмаймы? Базан инсанни сёз иле ольдюрмек мумкюн. Не япмалы? О шимди менден акьикьатны беклей. Эгер шимди де ялан айтсам, оны ал-датсам, соньундан о мени багьышламаз. Онья акьикьатны бильмек вакьы-ты кельди...» [13, с. 66].

(«...Сказать или промолчать? Кого-то можно словом убить. Что делать? Сейчас он добивается от меня правды. Если я сейчас слукавлю, обману его, он меня уже не простит. Пришло время, когда он должен узнать правду...»).

В том же произведении Т. Халилов использует и вторую - «косвенную» форму психологического изображения: «... О мени корьгенинен бир талай еринден кьыбырмай турды, сонь чересинде сецинч сезильди, йыл-майды ве чапып келип бойнума сарылды...» [13, с.55].

(«.. Завидев меня, он некоторое время оставался в неподвижном состоянии, потом на лице проскользнула радость, улыбка, и он, подбежав, обнял меня ...»).

Читателям не трудно представить себе состояние ребёнка из детского дома при встрече со знакомым, который впоследствии заменит ему отца. Удивление, растерянность, радость и счастье - вот что скрывается в поведении ребёнка.

Психологический анализ в прозе Т. Халилова характеризуется строгой лаконичностью. Происходящее интересует писателя равно как и чувства, переживаемые героем, потому что духовный мир не может быть изолирован от внешней жизни. Поэтому психологическая характеристика непосредственно связана с поступком и выступает в качестве прямой мотивировки действия.

В критической литературе упоминается ещё один способ передачи читателю мыслей и чувств персонажа: «при помощи называния, предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают во внутреннем мире». Есин А.Б. называет эту форму «Суммарно-обозначающей» [3, с.87]. Скафтымов А.П. так писал об этом способе в статье «О психологизме в творчестве Стендаля и Толстого»: «Стендаль идёт по преимуществу путями вербального обозначения чувства» [6, с. 175].

Насколько часто данная форма психологизма используется в крымскотатарской литературе? По результатам анализа ряда прозаических произведений можно сделать вывод о том, что так называемая «суммарно-обозначающая» форма используется довольно часто. Примером этого может служить рассказ Сабрие Сеутовой «Умют нагъмелери» («Напевы надежды»): «Асретлик дуйгъулары Суриени бу дюньядан вазгечтирди. О, геджелери ынш-тюшюнип ята, азап чеке...» [12, с.27].

(«Чувства ностальгии отрешил. Сурие от жизни. Ночами её мучают тяжёлые думы, она страдает...»).

Как видим, чувства названы, но не показаны. Прозаик пытается управлять чувствами не только героя, но и читателя. Настрой души назван, но не описан лишь потому и с той целью, чтобы читателю оставить определённый вакуум для домысливания. Читатель как бы мысленно синтезируется с думами Сурие. Здесь неописанные, точнее, необозначенные во всей своей полноте чувства и мысли образуют некое абстрактное полотно, на котором необходимо дорисовать переживания героя. А этот процесс требует дарования, ведь речь идёт об изображении глубинного состояния души, где задействованы тонкие струны чувств героя.

Говоря о даровании писателя, необходимо, на наш взгляд, остановиться на понятиях «психологизм» и «психологический анализ», т.к. они не являются в полном смысле синонимами и не совпадают как по объёму, так и по значению. Как отмечает В.В. Компанец, «понятие «психологизм» шире понятия «психологический анализ», оно включает в себя, например, отражение психологии автора в произведении... Писатель не властен решить вопрос, быть психологизму в произведении или отсутствовать, он в любом случае в той или иной мере будет ощущаться».

Подобного, - продолжает литературовед, - нельзя сказать о психологическом анализе, располагающем совокупностью своих средств, обязательно предполагающем объект, на который он должен быть направлен. Формы выражения психологического анализа в произведении чаще всего зависят от сознательной установки писателя, от характера его дарования, личностных свойств, от ситуации в произведении и т.д.» [5, с. 18].

Если придерживаться данного правила, то в произведении Умера Ип-чи «Зейнеп тизе» («Тётя Зейнеп», 1924) речь, видимо, идёт о психологическом анализе, о котором говорит набор словесно-художественных средств, позволяющих представить внутренний мир человека глубоко и конкретно:

«Эки йыл бойле кечти. Эки йыл Зейнеп тизе агълады. Эки дюньяда эр шейден азиз, эр кестен кыйметли, севгили огълу - Умери ичюн асрет козяшлары тѣкти... Эки йыл геджелери юкъусыз, сандыракълав, агълав-ларнен кечти... Эки йыл Зейнеп тизенинъ аналыгы хор ланды, эзильди, агълады...» [11, с 127].

(«Так прошло два года. Два года тётя Зейнеп плакала. О самом дорогом, что есть на свете, самом ценном, о любимом сыне – Умере – она проливала слёзы тоски... Два года прошли в бессонных ночах, в бреду, слезах... Два года было раздавлено изощрённое сердце её материнское...»).

В этом рассказе представлена форма повествования от третьего лица. Как известно, главным действующим лицом в прозе 20-х г.г. XX века стала народная масса, либо её отдельный представитель, осознающий себя лишь частицей громадного людского потока. Для прозаического повествования этого периода характерен резкий сдвиг художественного интереса от индивидуального к общему. Однако, на примере данного рассказа У. Ипчи говорить о коллективной психологии не приходится. Автору важно запечатлеть переживания индивидуума, в котором ментальное доминирует над S социальными установками. Внешние события выступают в качестве прямой мотивировки переживания тёти Зейнеп, но её чувства - чувства матери - продолжают сохранять черты этнонационального характера. Для этого необходимы потенциальные внутриязыковые возможности, которыми и сумел воспользоваться Умер Ипчи.

Как отмечалось выше, в рассказе «Зейнеп тизе» повествование ведётся от третьего лица, тогда как повествование от первого лица создаёт более правдоподобную психологическую картину, оно звучит как исповедь. Рассказывая о себе, человек производит на читателя сильное впечатление. Вот пример:

«Не мени раатсызлай? Не кедер эте юкъума? Дердим буюк, къаарим терен. Сонъу корюнмеген чыкъымсыз ойлар юрегимни хырпалайлар. Ой-лар, йыллар киби, зньсенден дегирмен ташы киби басалар, магърур ба-шыныны ерге эндирилер... Сонъки пешман, гам-къасевет, юрегимде хавф догъурган раатсыз тюшонджелер юкю бермейлер» [14, с.55].

(«Что меня беспокоит? Почему я не могу заснуть? Моё горе безгранично, тревога глубока. Бесконечные мысли о безысходности терзают мою душу. Мысли словно горы, дают тяжёлым грузом, клонят непреклонную голову. Сожаление, тяжёлые думы, беспокойные мысли, вызывающие душевную тревогу, лишают сна»).

Но в творчестве крымскотатарских писателей чаще используется повествование от третьего лица, т.к. в этом случае автор как бы обладает правом всеведения: он знает о герое всё, может раскрыть детали внутреннего процесса, объяснить причинно-следственную связь между переживаниями, мыслями, впечатлениями. Повествователь показывает психологическую нагрузку во внешнем поведении героя, в его ми-

мике и телодвижениях. И прокомментировать со стороны течение психологических процессов и их смысл писатель может только в произведениях, где повествование ведётся от третьего лица.

Крымскотатарским литературоведам как носителям языка и, соответственно, понимающим образно-семантическое значение языка этно-национальных художественных произведений, опираясь на достижения современной научной мысли в изучении теоретических проблем XX века, ещё предстоит изучить и объяснить ряд ждущих своего исследования литературно-теоретических вопросов, где проблема психологизма, как составляющая понятия образности, является одной из важнейших.

Источники и литература

1. Азизов Дж. Л. Бедий талиль принципери // Ыылдыз. – 1990. – №2. – С. 122–126.
2. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л., 1971.
3. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М., 1988.
4. Исмаил Асан-огьлу Керим Къырымтатар эдебияты. Учебное пособие по крымскотатарской литературе. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1995. – 352 с.
5. Компанец В.В. Художественный психологизм в советской литературе (1920-е годы). – Л.: «Наука», 1980.
6. Скафтымов А.П. О психологизме в творчестве Стендаля и Толстого // Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. – М., 1972.
7. Страхов И.В. Психологический анализ в литературном творчестве. – Саратов, 1973.
8. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. – М.: «Прогресс», 1978.
9. Юнусов Ш. Несир ве эдебий шекиль // Ыылдыз. – 2001. – №2. – С. 184–190.
10. Ильмий А. Ачлыкъ хатирелери. // Исмаил Асан-огьлу Керим. Къырымтатар эдебияты. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1995. – С. 148 – 210.
11. Ипчи У. Зейнеп тизе // Къырымтатар эдебияты. 8-инджи сыныф ичюн / Кокиева А., Саладинов Къ. У., Межмединова Г.А., Харахады А.М.– Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2002. – С.126–129.
12. Сеутова С. Умют нагъмелери // Ыылдыз. – 1983. – №2. – С. 23 – 51.
13. Халилов Т. Эски кемане. // Халилов Т. Биринджи къар. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1987. – С. 30–72.
14. Халилов Т. Юкъусыз геджелер // Ыылдыз. – 2001. – №4. – С.54 – 64.
15. Юнусова Л. С. Крымскотатарская литература. – Симферополь: Доля, 2002. – 344с.

Шилина А.Г.

ПУТЬ К СЛОВАРЮ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ БАЗОВЫХ ТЕРМИНОВ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Еще один аспект возникает при решении вопроса о транслитерации... Для нас этот вопрос особенно значим в связи с «карьерой» термина «гендер» в русском языке. Будучи транслитерированным, этот термин стал знаковым для обозначения нового направления социальных исследований, которое требует своей легитимизации.
Е. Здравомыслова, А. Темкина, Феминистский перевод:
текст, автор, дискурс

С 80-х годов XX столетия на всем постсоветском пространстве ведется основательная работа по переводу и адаптивированию западных социально-философских и культурологических работ по гендерной проблематике. Интенсивное развитие в Украине такого интердисциплинарного научного направления, как гендерные исследования, привело к значительному росту новых терминов и терминологических сочетаний в русском и украинском дискурсе. Неоднозначное, осторожное, порой снисходительное отношение академической науки к гендерным исследованиям, промаркировало последние как «инаковые», «чужеродные», «дикие» проявления «чужой» картины мира [9, с. 236], а гендерную терминологию как «стихийно сложившуюся» (термин Г.П. Мельникова).

В начале XXI века гендерная терминология, по словам профессора Е.И. Горошко, приобретает «иное онтологическое звучание» [5, с. 106] во многом благодаря совместным усилиям лингвистов, философов, социологов, историков, культурологов и др. специалистов (С.Д. Павлычко; 1997; Е.И. Горошко, 1999; 2000; 2003; А.В. Кирилина, 1999; 2000; 2002; О.В. Иващенко, 1998; Н.Чухим, 1999; 2001; И.И. Халеева, 1999; Е.И. Трофимова, 2002; О.В. Рябов, 2001; Е.И. Семиколенова, 2003; М.Н. Дмитриева, 2004 и др.). Весомым вкладом в развитие гендерной лексикографии стало издание «Словаря гендерных терминов» (2002).

Однако гендерную терминологию пока еще трудно назвать полностью унифицированной, что объясняется рядом причин: во-первых, междисциплинарность гендерных исследований предполагает неизбежное заимствование терминов из других гуманитарных наук, вследствие чего происходит трансформация значений данных терминов; во-вторых, базовые термины гендерной терминосистемы характеризуются широким спектром значений, иногда отсутствием единства в понимании и среди самих специалистов; в-третьих, гендерные исследования представляют собой динамический, постоянно пополняющийся новыми терминологическими реалиями континуум.

Все это позволяет сформулировать *цель* предлагаемого исследования – проследить динамику регла-